

И. В. Лукоянов

С. Ю. Витте и «дело Мамонтова»^{*}

В последние годы XIX в. С. Ю. Витте, казалось, мог чувствовать себя всевластным сановником, который вышел в правительстве на первые роли, сумев потеснить главу Министерства внутренних дел И. Л. Горемыкина. Однако его позиции не выглядели бесспорно прочными: одновременно стали нарастать его противоречия с министром юстиции Н. В. Муравьевым, также решившим побороться за виртуальное место «первого министра». У Н. В. Муравьева имелись свои козыри, в частности его Министерство юстиции в ряде громких дел вскрыло неблагополучия в финансовом ведомстве, что активизировало латентную политическую борьбу в «верхах» за влияние.

Первым из них явилось «мамонтовское дело», обозначившееся летом 1899 г., одновременно с начавшимся промышленным кризисом в России. В целом это дело взбудоражило современников, оно широко освещалось в печати, хорошо известно в литературе¹. Но далеко не во всех аспектах. В частности, в тени оставались политические пружины этого процесса.

Савва Иванович Мамонтов — крупный московский предприниматель, председатель правления железной дороги Москва — Ярославль — Архангельск и Невского судостроительного завода (самого крупного из металлургических в России, взятого им в аренду в 1890 г.), имевший также доли участия во многих других предприятиях, хорошо зарекомендовал себя на эксплуатации Московско-Курской и Донецкой каменноугольной железных дорог и уже создал себе репутацию хорошего финансиста. За один год 150-рублевые акции обще-

^{*} Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 25-28-02567 «Сергей Юльевич Витте: государственная деятельность сановника в зеркалах науки и общественного мнения».

ства Московско-Ярославско-Архангельской дороги выросли на бирже до 600–700 руб., а дивиденды — с 19 до 40 руб. за акцию. Однако, как оказалось, репутация эта была преувеличенной: его Невский завод, чьи дела шли не лучшим образом, к 1898 г. задолжал железной дороге Москва — Ярославль — Архангельск 13 млн руб., не имея возможности погасить долг. Летом 1898 г. С. И. Мамонтов с согласия Министерства финансов заложил принадлежащие ему акции железной дороги (1650 шт.) в Санкт-Петербургский международный коммерческий банк. Но денег не хватило, поэтому С. И. Мамонтов обратился через инженера Н. К. Гарин-Михайловского за ссудой к С. Ю. Витте. Возможно, посредничество было неудачным ходом, так как министр финансов отказал просителю.

И тут настало время промышленного кризиса. Долги Невского судостроительного завода только увеличивались, что встревожило директора Санкт-Петербургского международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейна: он давал С. И. Мамонтову ссуду в 3 млн руб. на 9 месяцев исходя из другой, более высокой цены бумаг его дороги. Понятно, что за такой короткий срок поправить свои дела С. И. Мамонтову было невозможно, А. Ю. Ротштейн не мог не предполагать это заранее. Что и случилось: по истечении срока банк потребовал возвращения кредита; натолкнувшись на отказ, А. Ю. Ротштейн забрал акции железной дороги и сменил ее правление. Новые руководители сразу же озаботились искоренением «злоупотреблений», существовавших при С. И. Мамонтове, для чего к расследованию был привлечен следователь по особо важным делам П. П. Юшневский. С. Ю. Витте, в свою очередь, предоставил новому правлению кредит в 5 млн руб. на льготных условиях (годовой доход дороги в 1898 г. превысил 5 млн руб.)².

Однако поиск злоупотреблений поначалу не выявил ничего криминального. П. П. Юшневский не сдался и провел обыск у самого С. И. Мамонтова, после которого тот был арестован (11 сентября 1899 г.). Следователь не скрывал, что «шил» дело, однако пока безуспешно.

Разумеется, чиновник Министерства юстиции не был той фигурой, которая могла бы себе позволить вести такие действия самостоятельно. Нет сомнений, что за ним стоял его непосредственный начальник, министр юстиции Н. В. Муравьев, в прямом подчинении которого находились следователи по особо важным делам — тогда их было всего трое на всю Российскую империю. Е. В. Богданович рассказывал, что П. П. Юшневский «спрашивал министра юстиции Муравьева, как следует вести это следствие, в более тесных или широких рамках. На это Н. В. Муравьев ответил: “в самых широких, не стесняясь положением лиц, какие могут быть к нему причастны, хотя бы они принадлежали к самым высшим сферам”. В этом видят указание на министра финансов Витте, которого будто бы Муравьев имел при этом в виду. Хотя лично министра финансов общественное мнение не считает причастным к растратам, но говорят, что жена его Матильда Ивановна будто бы пользовалась щедрыми подачками,

получив, между прочим, от Мамонтова 800 000 р[уб].»³. Между С. Ю. Витте и Н. В. Муравьевым давно, с первой половины 1890-х гг., существовали сложные, доходившие иногда до враждебности отношения. К началу 1899 г. окончательно наметилось их расхождение⁴.

П. П. Юшневскому все-таки удалось найти злоупотребления в отношениях между железной дорогой и заводом. Дело в том, что постепенный рост кредитования дорогой завода (в 1895 г. он вырос до 2,5 млн руб.) не был коммерчески выгоден (Невский судостроительный завод был недостаточно хорошо оборудован), а отток средств железной дороги мешал ее развитию и в частности, перспективе строительства новой трассы Петербург — Вятка, концессию на которую С. И. Мамонтов получил законным образом — утвержденным Николаем II мнением Государственного совета. Эта магистраль обещала увеличить доходы обеих дорог, но требовала больших вложений, чему мешали кредиты заводу. Тем не менее С. И. Мамонтов продолжал упорно вкладывать средства в завод: в начале 1898 г. он открыл ему новый кредит в 6,5 млн руб. из средств дороги. Для этого предприниматель заложил акции дороги по номиналу (на самом деле их рыночная цена была намного ниже). Ущерб дороги от этих действий в оценке следствия составил 5 млн руб.

Здесь на сцену вновь выходит Министерство финансов — оно обязано было следить за подобными операциями. В частности, это была зона ответственности директора Департамента железнодорожных дел В. В. Максимова (пяти-миллионный убыток железной дороги — угроза ее деятельности, а она имела большое значение). Вместо признания того, что контроль ведомства был недостаточен, и попытки исправить ситуацию С. Ю. Витте с согласия Николая II немедленно отозвал концессию, чего не имел права делать, и отказал в ссуде⁵. Министр финансов, конечно, понимал, что такое действие не могло не стать сильнейшим ударом по С. И. Мамонтову и его предприятиям, и нанесен он был вполне сознательно. Зачем? Следствие заподозрило комбинацию: банкротство железной дороги и переход ее в руки Санкт-Петербургского международного коммерческого банка (именно А. Ю. Ротштейну С. И. Мамонтов заложил ее акции по очень высокому курсу при помощи В. В. Максимова)⁶. Разумеется, такая операция могла быть задумана и осуществлена только при прямом участии С. Ю. Витте.

Мало того, против С. И. Мамонтова было возбуждено уголовное дело «за те самые противозаконные финансовые комбинации, о которых Министерство финансов не только прекрасно знало, но которые оно покрыло ходатайством перед Государственным советом о передаче выгодной концессии в руки тех самых людей, которых оно затем решило посадить на скамью подсудимых»⁷. Понятно, что формально С. Ю. Витте соблюдал законы и реагировал на выявленные финансовые нарушения. На первом заседании специального совещания, созданного по решению Николая II 23 июля 1899 г. по делу Общества железной дороги Москва — Ярославль — Архангельск, С. Ю. Витте рассказал,

что все дело началось после того, как упомянутой дороге была предоставлена концессия на трассу Петербург — Вятка и у нее возникли финансовые затруднения. Министр финансов командировал для ревизии дороги чиновника своего ведомства П. С. Хитрово, который сразу обнаружил злоупотребления, в частности заимствование Невским судостроительным заводом 9,2 млн руб. (для дороги это была недостача). Но обстоятельства того, как это происходило, все-таки заставляют подозревать злой умысел министра финансов, направленный на банкротство С. И. Мамонтова и изъятие у него таким образом железной дороги Москва — Ярославль — Архангельск. Согласен с этим и А. А. Лопухин: «...выбор Министерства финансов именно их в качестве дани правосудию казался непонятным»⁸. Он предполагает скрытый замысел: неспособность С. И. Мамонтова погасить ссуду у А. Ю. Ротштейна вызвали панику в публике, резкое падение курса акций дороги и принудительное отчуждение их банком — уже по новой, низкой цене в половину номинала (до этого их курс на бирже был выше номинала в 4–5 раз)⁹.

Но далее состоялось принудительное отчуждение этих акций казной, организованное С. Ю. Витте. С. И. Мамонтов признался П. П. Юшневскому, что заложил свои акции он под давлением, но не В. В. Максимова¹⁰. Казалось бы, здесь что-то не так: в последовательности действий министра финансов отсутствует логика. Объяснение дал П. П. Юшневский: на этой сделке настаивал великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы, не допустивший, чтобы железная дорога, ведущая из Москвы к раке преподобного Сергия, осталась бы в руках еврея А. Ю. Ротштейна¹¹. В итоге казна выкупила у Санкт-Петербургского международного коммерческого банка акции железной дороги Москва — Ярославль — Архангельск по 30 коп. за 1 руб. номинала. Банк потерял на этом около 1,4 млн руб.¹² Здесь С. Ю. Витте был уже бессилён.

На этом этапе Н. В. Муравьев и С. Ю. Витте действовали вполне согласованно, так как министр финансов явно побаивался итогов следствия. Любопытная деталь: Н. В. Муравьев рассказал П. П. Юшневскому, что был у М. И. Витте, она была очень расстроена «делом Мамонтова» и просила Н. В. Муравьева, чтобы ее мужу было «поменьше» неприятностей¹³.

Однако тот же П. П. Юшневский сообщает и другое: именно в ходе «дела Мамонтова» у его начальника возник план грандиозной интриги. Воспользовавшись расследованием, которое неминуемо задевало министра финансов, Н. В. Муравьев решил «спихнуть с места С. Ю. Витте, заменить его другим лицом», а во главе «правительства» поставить Д. А. Милютина, «наделив его чрезвычайными полномочиями, что-то вроде диктатора». Эта схема, как утверждает П. П. Юшневский, была нарисована министром юстиции собственноручно на листке бумаги, который случайно попал ему в руки¹⁴.

Схема, несмотря на заверения мемуариста, выглядит фантастически: ну хорошо, спихнуть С. Ю. Витте — это понятно. Но решение вернуть к власти престарелого Д. А. Милютина, которому было тогда без малого 85 лет, давно

жившего в Крыму, да еще и на место «диктатора» (Николай II не возразил?) выглядит странно. Неужели Д. А. Милютин мог согласиться на такое? Комбинация, приведенная П. П. Юшневским, не имеет никаких подтверждений в других источниках. Но вполне правдоподобно выглядят другие утверждения мемуариста — что, несмотря на явное превосходство С. Ю. Витте в возможностях над Н. В. Муравьевым, министр юстиции, «пока шло мамонтовское дело, ничем кроме него не интересовался»¹⁵.

Начать атаку на С. Ю. Витте Н. В. Муравьев предполагал с устранения В. В. Максимова, поручив П. П. Юшневскому найти на директора департамента компромат. Как он сам рассказал в мемуарах, ему помогла настойчивость Т. И. Филиппова, рассказывавшего о злоупотреблениях на строительстве железной дороги Вологда — Архангельск (Мамонтов получил концессию на нее в 1894 г., движение открыто в 1898 г.), и раскрутка этой темы в печати С. Ф. Шараповым. Публицист, сотрудничавший с С. Ю. Витте в начале его министерской карьеры, позднее разошелся с ним и перешел к резкой, по преимуществу огульной критике министра финансов. Именно в это время, в конце 1899 г., широкое хождение получили копии письма С. Ф. Шарапова Т. И. Филиппову, в котором адресант повторил свои ставшие уже привычными выпады против золотой реформы С. Ю. Витте (Россия якобы стояла на пороге банкротства), добавив к ним совершенно ни на чем ни основанное подозрение, что «хищение» Мамонтова, которого не было, осуществлялось «с ведома, а может быть, — и под прямым руководством финансового ведомства»¹⁶. Н. В. Муравьева публицист пытался убедить в связи с мамонтовским делом, «что во главе финансового ведомства случайно стал самый обыкновенный арестант; явление, возможное только во мраке и плесени нашего бюрократического режима». С. Ф. Шарапов также намекал на то, что атака против С. Ю. Витте как нельзя кстати совпала с решением вопроса о займе России в 250 млн франков¹⁷. Нетрудно дальше продолжить ход его мысли: любые разоблачения министра финансов — это пятна на его престиже, которые сделают заключение займа менее вероятным. Это будет удар по «системе Витте», который, как мечтал С. Ф. Шарапов, наконец низвергнет ненавистного ему сановника из министерского кресла. Разумеется, Шарапов действовал не один. Осведомленный фон Валь полагал: «Это письмо Шарапова есть, очевидно, только эпизод той травли, которую устраивает на Витте шайка Горемыкина и которую поддерживает Николай Валерьянович Муравьев в надежде получить рыбы в мутной воде»¹⁸.

Слухи о сильной коррупции в финансовом ведомстве ходили давно, появились они задолго до того, как Витте занял министерское кресло. Но все подозрения были трудно доказуемыми. Много позже историки лишь изредка могли обнаружить уличающие чиновников документы (исключение — статья Фурсенко, документально показавшая коррупцию Скальковского)¹⁹. Но размах взяточничества подавался как тотальный. Еще раз слово фон Валью.

«Слышали в среду 1-го марта [1900 г.] на вечере у князя В. П. Мещерского следующий разговор.

В прошлом году министр финансов Витте получил от одного из членов Госуд[арственного] совета письменное заявление, что в Министерстве финансов и в особенности в Департаменте торговли и мануфактуры берут взятки и весьма крупные. Называли при этом вице-директора Михневича как главного виновного. Вследствие сего Витте собрал всех директоров департаментов и вице-директоров и объявил им, что это дело следует “домашним образом” расследовать, чтобы выяснить истину. Расследование, произведенное при участии главных взяточников — директоров департаментов торговли и мануфактур Ковалевского и железных дорог Максимова, никаких результатов не дало, получилось однако же самим министром сведение, что директор Международного коммерческого банка известный Ротштейн, близкий человек к Матильде Ивановне Витте и к министру, дал по какому-то делу в Департамент торговли и мануфактур взятку в 20 000 руб.

Витте пригласил г[осподи]на Ротштейна и спросил его, правда ли это. На это г[осподин] Ротштейн ответил приблизительно следующее:

“Давал ли я 20 000 руб. — это я не помню, потому что сумма такая незначительная, но деньги давал всегда по каждому делу, так как иначе нельзя. Или дело не совсем согласно с законом и следует его согласовать или же нужно его ускорить, что особенно важно в торговых делах, потому дела всегда оплачиваются и весьма значительными суммами. Но кому он давал, этого он не помнит, так как это не записывается”.

Указывая на возможность личных сношений с министром, Сергей Юльевич упрекнул Ротштейна в таком неудобном поступке, на что получил ответ, что министр — это одно, а департамент — другие и без департамента ничего не сделать.

На вопрос, давал ли г[осподин] Ротштейн деньги Михневичу, получился ответ: “не помню, но думаю, что нет, так как г[осподи]н Михневич ни в одном случае не исполнил моей просьбы”.

После этого разговора гг. директора поняли, что нужно найти хотя бы одного козла отпущения, чтобы успокоить министра, и таковой был найден в брате жены г[осподи]на Ковалевского, которого удалили и тем кончился переполох. Взятки пошли по-прежнему. “Без взятки никак невозможно!” — так уже сказал г[осподи]н Ротштейн»²⁰.

Важно, что здесь уже фигурирует В. В. Максимов.

С. Ю. Витте, разумеется, все отрицал. П. П. Юшневский сумел обнаружить в отчетах по строительству дороги Вологда — Архангельск исчезновение 100 тыс. руб., что, как он предположил, пошло на взятку В. В. Максимова за концессию на трассу Петербург — Вятка. Слухи об этом уже распространялись. 12 октября 1899 г. фон Валь записал в дневнике, что в столице «ходит по рукам копия письма публициста Шарапова к государственному контролеру Тertiю Ивановичу Филиппову, в котором он в резких выражениях указывает

последнему, что его обязанность и долг как начальника Государственного контроля доложить государю о действиях министра финансов Витте, разоряющего государство и лично будто бы причастного к незаконным финансовым операциям Мамонтова и взяточничеству бывшего директора департамента Максимова.

В обществе еще перед тем передавалось, будто Мамонтов и Максимов показали, что платили большие суммы Матильде Ивановне (супруге Витте)»²¹.

В декабре 1899 г. П. П. Юшневский сумел допросить В. В. Максимова, застав его врасплох, и тот признал свою причастность к этим 100 тыс. руб. Это давало шанс на привлечение директора департамента к ответственности (хотя взятка по действовавшему Уложению о наказаниях преступлением не являлась, а возбудить дело против чиновника могло только его начальство) и выход на С. Ю. Витте.

В верхушке Министерства юстиции произошел раскол: часть (преимущественно директора департаментов) были против атаки на всесильного министра финансов. По словам С. С. Манухина, «первым ударом мы не свалим с ног Витте. А как скоро Витте устоит, его ответный удар будет так мощен, что от Министерства юстиции ничего не останется»²². Н. В. Муравьев, хотя и стоял за атаку на министра финансов, в конце концов занял выжидательную позицию. В итоге С. Ю. Витте сообщили о компромате, он немедленно уволил В. В. Максимова с государственной службы, пристроив его в частный банк. Е. В. Богданович рассказал, что, «когда перед увольнением бывшего директора железнодорожного департамента Максимова, которого обвиняли в крупных взятках, Витте имел с ним по этому поводу объяснение, то Максимов на вопрос министра, куда шли эти деньги, будто бы ответил: “Спросите об этом Матильду Ивановну!”»²³. Но пойти с обвинением С. Ю. Витте в Сенат Н. В. Муравьев не рискнул²⁴.

Со своей стороны, С. Ю. Витте, поняв, что на его горизонте стусились тучи, не ограничился увольнением директора Департамента железнодорожных дел. Н. В. Муравьеву он переслал письмо С. И. Мамонтова 25 июля 1899 г., т. е. до ареста, в котором предприниматель признавал свою вину²⁵. А. Ю. Ротштейн вместе с другими членами правления Санкт-Петербургского международного коммерческого банка 15 ноября 1899 г. направили Н. В. Муравьеву письмо, в котором отвергали намерение скупить по дешевке акции железной дороги Москва — Ярославль — Архангельск²⁶.

Для С. И. Мамонтова все дело завершилось относительно удачно. Благодаря заступничеству Марии Павловны и Владимира Александровича Николай II заменил ему тюремное заключение домашним арестом, в июне 1900 г. суд не признал его виновным в умышленных хищениях. Но он стал несостоятельным должником, его имущество, в том числе дом и художественные коллекции, было распродано.

С. Ю. Витте устоял, но «дело Мамонтова» показало его уязвимости в подобных схватках, связанные с коррупцией его подчиненных. Устранить коррупцию полностью не представлялось возможным, однако, как вскоре оказалось, и в других ситуациях позиции министра финансов не были неуязвимыми. Это продемонстрировало следующее громкое дело — Алчевского (харьковских банков).

- ¹ Дело Мамонтова, Арцыбушева, Кривошеина и других. Полный и подробный отчет о ходе дела о злоупотреблении Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги в 8 уголовном отделении Московского окружного суда с 23-го июня по 3-е июля 1900 г. М., 1900; Процесс Саввы Мамонтова и др.: Хищения и растраты: Речи в защиту и обвинение: г. г. Курлова, Цубербиллера, Рейнбота, Быховского, Плевако, Маклакова, Багриновского, Карабчевского и Шубинского. М., 1900; и др.
- ² А. А. Лопухин в мемуарах утверждал, что на самом деле финансовое состояние дороги было плачевным: «заправили» с Мамонтовым во главе создали на бумаге «декорум» кредитоспособности (*Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний (По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 61).
- ³ Записки В. В. фон Валя. Запись 30 сентября 1899 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 2.
- ⁴ А. С. Суворин записал в дневнике 25 марта 1899 г.: «Витте действует с Плеве, расставшись с Муравьевым, с которым не поладил» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Изд. 2-е, испр. и доп. London; М., 2000. С. 323).
- ⁵ А. А. Лопухин справедливо заметил: «С точки зрения правовой создано нечто совершенно уродливое и даже для беззастенчивости министерских приемов времен Николая II не вполне обычное: законодательный акт оказался отменен постановлением, изданным в порядке управления» (*Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. С. 63).
- ⁶ Об этом С. И. Мамонтов сообщил в доверительном разговоре с П. П. Юшневским 4 октября 1899 г. (П. П. Юшневский — Н. П. Постникову. 11 октября 1899 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 539. Д. 308. Л. 40 — 40 об).
- ⁷ *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. С. 63.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 64.
- ¹⁰ П. П. Юшневский — Н. П. Постникову 11 октября 1899 г. Л. 38 об. — 39.
- ¹¹ *Юшневский П. П.* Воспоминания судебного следователя по особо важным делам 1897–1902. Мамонтовское дело 1899–1900 гг. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 261. Карт. 12. Ед. хр. 21. Л. 59.
- ¹² *Лебедев С. К.* Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 129.
- ¹³ *Юшневский П. П.* Воспоминания судебного следователя по особо важным делам 1897–1902. Л. 42.
- ¹⁴ Там же. Л. 42–43.
- ¹⁵ Там же. Л. 43.
- ¹⁶ С. Ф. Шарапов — Т. И. Филиппову. Б/д. Копия // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 308. Л. 32 — 32 об.
- ¹⁷ С. Ф. Шарапов — Н. В. Муравьеву. 19 октября 1899 г. // Там же. Л. 102 — 103 об.
- ¹⁸ Записки В. В. фон Валя. Запись 12 октября 1899 г. Л. 5.
- ¹⁹ *Фурсенко А. А.* Материалы о коррупции царской бюрократии. (По бумагам К. А. Скальковского) // Исследования по отечественному источниковедению: Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 149–156.
- ²⁰ Записки В. В. фон Валя. Запись после 5 марта 1900 г. Л. 37 об. — 38 об.
- ²¹ Там же. Запись 12 октября 1899 г. Л. 4 об.
- ²² *Юшневский П. П.* Воспоминания судебного следователя по особо важным делам 1897–1902. Л. 48.
- ²³ Дневник фон Валя. Запись 30 сентября 1899 г. Л. 2 — 2 об.
- ²⁴ *Юшневский П. П.* Воспоминания судебного следователя по особо важным делам 1897–1902. Л. 48–49.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 308. Л. 113.
- ²⁶ Там же. Л. 116–117.

References

Lebedev, S. K. S. *-Peterburgskii Mezhdunarodnyi kommercheskii bank vo второй половине XIX veka: evropeiskie i russkie svyazi* [St. Petersburg International Commercial Bank in the Second Half of the 19th Century: European and Russian Connections. In Russ.]. Moscow, ROSSPEN publ., 2003, 526 p.

Fursenko, A. A. Materialy o korruptsii tsarskoi byurokratii. (Po bumagam K. A. Skal'kovskogo) [Materials about the Corruption of the Tsarist Bureaucracy. (Based on the Papers of K. A. Skalkovsky). In Russ.]. In Nosov, N. E. (ed.) *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu. Sbornik statei, posvyashchennykh 75-letiyu professora S. N. Valka*. Moscow, St. Petersburg, Nauka publ., 1964, pp. 149–156.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Лукоянов. С. Ю. Витте и «дело Мамонтова» // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 102–110. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_102

Аннотация: Статья посвящена тому, как «дело Мамонтова» — процесс о банкротстве крупного российского предпринимателя (1898–1899 гг.), стал частью сложной политической борьбы между министром финансов С. Ю. Витте и министром юстиции Н. В. Муравьевым. Она сопровождалась нарушением законов с обеих сторон, в борьбу так или иначе оказались вовлечены разные фигуры (М. И. Витте, Т. И. Филиппов, С. Ф. Шарапов и др.). Эта борьба привела к тому, что коррупция в Министерстве финансов, о которой ходили многочисленные слухи, получила новые подтверждения. Вместе с тем расследование дела не привело к глубоким выводам о нездоровых интригах во власти, которые продолжились.

Ключевые слова: политические интриги, борьба за власть, коррупция, С. Ю. Витте, Н. В. Муравьев, С. И. Мамонтов.

FOR CITATION

I. V. Lukoianov. S. Yu. Witte and the “Mamontov Case” // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 102–110. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_102

Abstract: This article examines how the “Mamontov case” — the bankruptcy trial of a major Russian businessman (1898–1899) — became part of a complex political struggle between Finance Minister S. Yu. Witte and Justice Minister N. V. Muraviov. It was accompanied by violations of the law on both sides, and various figures (M. I. Witte, T. I. Filippov, S. F. Sharapov, and others) found themselves involved in one way or another. This struggle led to further confirmation of the corruption within the Ministry of Finance, which had been widely rumored. However, the investigation into the case failed to yield any profound conclusions about the unhealthy intrigues within the government, which continued.

Key words: political intrigues, struggle for power, corruption, S. Yu. Witte, N. V. Muraviov, S. I. Mamontov.

Автор: Лукоянов, Игорь Владимирович — д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель научного проекта отдела сопровождения Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Lukoianov, Igor Vladimirovich — Dr. of Sci. in History, Leading researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Head of the Scientific Project of the Support Department, Russian Christian Humanitarian Academy (St. Petersburg, Russia).

E-mail: lukoianov@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0087-2290